

Вячеслав Курицын

РАСКАЧИВАТЬСЯ И ОКУНАТЬСЯ¹

Смерть шагнула на Пильграма из полутьмы лавки, когда он нагнулся к раскатившимся монетам.

Все остальные деньги, а также немногие мелочи, которые можно продать (бронзовую медаль в футляре, оставшуюся от тестя), он уже собрал и вспомнил в последний момент про копилку.

Рядовой тургеневский мужчина просто бежит от женщины, а Пильграм постарался еще и оставить жену без последнего гроша. Когда она утром обнаружит это, ей будет хотеться кричать, бежать с брачным свидетельством в полицию, но она останется сидеть неподвижно — старая, глупая, ограбленная в лучших чувствах, растрепанная, в светлых перчатках.

Читатель попадает на место преступления не сразу.

Вместе с одним из номеров трамвая мы сначала увлекаемся с людного

¹ Фрагмент из новой книги В. Курицына “Набоков без Лолиты”, которая готовится к печати Новым издательством (Москва, 2013).

проспекта в тихую улицу, которая тянется в темноте «без витрин, без всяких радостей».

Потом становится оживленнее: мы проезжаем мимо фруктовой лавки, мимо табачной, колбасной, мимо аптеки и москательной (автора не отпускают мерчендайзинговые фантазмы), и вдруг — магазин бабочек с огромными яркими особями напоказ.

Читатель, наслышанный о любви автора к этим крылышкующим тварям, полагает, что мы достигли цели, но нет, трамвай скрипит дальше: галантерейная, угольный склад, булочная, трактир.

У трактира затруднительно не выйти.

Из трактира, где мы весьма шапочно увидимся с несколькими персонажами, еще не зная, какой из них «наш», начнется медленное — пешее — движение вспять. Грузный человек с седоватыми усами чуть прихрамывая следует против хода трамвая, добирается до магазина бабочек, но вновь промахивает мимо.

— Миновав витрину своей лавки, сворачивал сразу за ней в подворотню, где в правой стене была дверь с латунной дощечкой...

Из квартиры можно попасть на улицу через магазин, но герой с автором к прилавку не спешат, растворились (один другого растворил) в недрах квартиры, а потом еще дальше, в чертогах сна под низко надвинутым на лоб ночным колпаком.

Пусть, конечно, спознается с забытьем, утром ему деваться некуда, из спальни двинет к прилавку, и мы за ним. Но впустую перещелкнут и этот (четвертый, кажется) затвор, ибо утро оказывается воскресным, витрина забрана ставнем, а Пильграм с женой идут гулять по окрестностям, то есть вновь нарезают круги вокруг интересующей нас витрины... могли бы посетить утреннюю службу, но нет, про храм автор привычно забывает. У него на витрине свои алтари.

Когда все же настанет понедельник, мы некоторое время будем выслушивать, что в придачу к «основному товару», который пока не назван, Пильграм последнее время торгует школьными принадлежностями.

И лишь еще через густую страницу мы все же достигнем цели: да, Пильграм и

читатель находятся в лавке бабочек.

Маятник славно полетал вокруг мишени, раскачал весь окрест, прежде чем затор-мо-зить.

Затухающие колебания маятника обыкновенно носят плавный характер, но вокруг бабочки мы качались вне ритма, в хитром, то есть, каком-то ритме с непредсказуемыми замедлениями и ускорениями.

Так ловишь шарик в норку посреди изрытого лабиринтами диска: перекатился, недокатился, отпрянул, ушел на вираж... вот наконец удалось его угнездить.

Так человек может раскачиваться на стуле под свою внутреннюю музыку, наращивая и замедляя движения согласно неведомому нам, начертанному на нездешней стене плану.

Про стул есть, чтобы далекий вираж не закладывать, у Ходасевича. Стишок от 1921 года:

Сижу, освещаемый сверху,
Я в комнате круглой моей.
Смотрю в штукатурное небо
На солнце в шестнадцать свечей.

Кругом — освещенные тоже,
И стулья, и стол, и кровать.
Сижу — и в смущеньи не знаю,
Куда бы мне руки девать.

Морозные белые пальмы
На стеклах беззвучно цветут.
Часы с металлическим шумом

В жилетном кармане идут.

О, косная, нищая скудость
Безвыходной жизни моей!
Кому мне поведать, как жалко
Себя и всех этих вещей?

И я начинаю качаться,
Колени обнявши свои,
И вдруг начинаю стихами
С собой говорить в забытыи.

Бессвязные, страстные речи!
Нельзя в них понять ничего,
Но звуки правдивее смысла
И слово сильнее всего.

И музыка, музыка, музыка
Вплетается в пенье мое,
И узкое, узкое, узкое
Пронзает меня лезвие.

Я сам над собой вырастаю,
Над мертвым встаю бытием,
Стопами в подземное пламя,

В текучие звезды челом.

И вижу большими глазами —
Глазами, быть может, змеи, —
Как пению дикому внемлют
Несчастные вещи мои.

И в плавный, вращательный танец
Вся комната мерно идет,
И кто-то тяжелую лиру
Мне в руки сквозь ветер дает.

И нет штукатурного неба
И солнца в шестнадцать свечей:
На гладкие черные скалы
Стопы опирает — Орфей.

Я бы последнюю строфу вычеркнул, но, по мнению рецензента Сирина («Речь» от 14 декабря 1927-го), на стуле поэт достигает пределов поэтического мастерства.

— Поэт сидит у себя в комнате, в сухом блеске электричества, и вдруг начинает качаться и петь, причем в этом месте дактилическая рифма вдруг заменяет женскую...

Качели сбили ритм и вышли к новому качеству.

Наездник пробил границы и окунулся в другие берега — стопами в подземное пламя, в текучие звезды челом.

Сирин, быть может, не знал, что «комната круглая» (на самом деле — лишь с закруглением одной из стен) располагалась на углу Мойки и Невского, против дома,

где раздулся до рекламных размеров фаберовский карандаш, где Пушкин выпил лимонаду, а уже против лимонада, через узкую речку, дом голландской церкви, хорошо простреливаемый из окна круглой комнаты, в бывшей мертвецкой ныне устраиваются выставки, и туда привезли бы отпевать Дантеса, избери себе ангелы в то утро иные маршруты. Знай он это, стихотворение про острие качнуло бы его в собственное прошлое.

Так Федор во второй главе «Дара», качаясь по Берлину, много раз окунается в заповедное Лешино и возвращается назад.

Собственно, раскачивание — это технология творчества.

Попросту качаясь взад-вперед на ничтожном стуле, вы каждым движением преодолеваете некую границу и обратным движением преодолеваете ее в обратном направлении, пульсируете на кромке стихий, пробуждая свернутые во всякой пограничной ситуации энергии.

В первой главе Федор, вернувшись в новый дом без ключей и кукуя у подъезда, не знает, ждать ли неурочного жильца, искать ночного сторожа в черном плаще или попробовать разбудить звонком враждебного, не факт что готового просыпаться швейцара, которого к тому же следует отблагодарить решительно отсутствующим гривенником.

Федор начинает «качаться»: шагать по панели до угла и обратно.

К нему присоединяется млечно-белый фонарь, на сыром асфальте слегка колеблется призрачный круг.

— И это колебание, которое как будто не имело ровно никакого отношения к Федору Константиновичу, оно-то что-то столкнуло с края души, где это что-то покоилось и уже не прежним отдаленным призывом, а полным рокотом понеслось...

Понеслись стихи. Федор окунулся в «черновик», что плескался в мозгу уже несколько часов. В ожидании вечернего лакомства в виде рецензии на книжку «Стихотворения» стих складывался поначалу оптимистический.

Благодарю тебя, отчизна,

За тра-та и крылатый дар...

К вечеру ситуация уточнилась, рецензия оказалась первоапрельской шуткой, благодарность подвисла... осталась в строке, но пропиталась горечью.

Благодарю тебя, отчизна,
за злую даль благодарю!
Тобою полн, тобой не признан,
я сам с собою говорю.

Да, не признан, но в разговор «самого с собою» тычутся иные голоса, Федор уже шагает «по несуществующей панели» (то есть он и по существующей панели продолжает расшагивать, но сознание улетело в зоологический сад планет) и уже заглядывает во вторую, «качавшуюся, за несколько сажений, строфу»...

Выкачал Федор в результате не только стих, но и помощь.

Набирая новый разгон, он заметил, что за драгоценной дверью за клубился свет.

Несколькими страницами ранее Яша Чернышевский читал стихи самозабвенным певком, раздувая ноздри и раскачиваясь.

Еще несколькими страницами ранее Федор перечитывал свою книгу, мысленно «выхаживая» каждый стих.

Раскачиваться — это и подчеркивать, снова и снова проходить по панели — или по силовой магической линии.

Уплотнять, в плотное стадо сбивать энергии своей жизни.

Обматывать себя воздушными лентами, что завихряются вокруг качелей.

Когда у Чорба электричество сразило медовую жену, он включает обратный мах маятника, проматывает вспять весь одоленный вдвоем маршрут. Очутившись в городе счастливого знакомства, он сначала промахивает мимо грязной гостиницы, в

которую несколько недель назад утащил невесту со свадьбы в приличном доме. Туда, к родителям, и направляется, но их нет, и Чорб сейчас качнется назад, к ключевой точке... Гостиница в центре, у оперы, а родители как раз в опере, и, вернувшись домой и узнав от горничной, что приходил Чорб, они седлают маятник, чтобы качнуться все к той же гостинице...

Одна из функций водяного узора, переключек между далеко отстоящими скворечниками текста — качнуть читателя назад.

Сделать его перечитывателем.

Стакан с ярко-красным напитком, бросающим овальный отсвет на скатерть на столике анонимного англичанина ближе к финалу «Весны в Фиальте», устраивает в голове читателя маленький взрыв: что-то еще было важное красное по ходу рассказа, где же, что это... читатель отправляется в обратный путь... нужно вылистать эту алую сущность...

Рассказ «Дракон» устроен так, будто бы размеры сказочного существа трижды меняются, и внимательный наблюдатель покачивается на его колышущемся загравке.

Качнулся, блестя на солнце, стебель травы в парке культуры и отдыха Груневальд им. Ф.К. Годунова-Чердынцева, и Федор припоминает:

— Где это уже раз так было — что качнулось?

Вернее, сам-то он не припоминает, а переадресует вопрос преданному читателю. Это мы уже должны сообразить, имеется ли в виду лешинский цветок, выпрямившийся и закачавшийся, когда его покинула во второй главе бабочка махаон, или это ветви качались в озере зеркального шкафа в первых строчках романа. Ну и мы сами качнулись, уже и не раз.

— Сначала освещались только ноги, так ставимые тесно, что казалось, она идет по тонкому канату. Она была в коротком летнем платье...

Да-да, это ноги Зины, но мы помним стройные ноги, тесно мелькнувшие перед лицом читателя буквально за десять страниц... Чьи же, Федор Константинович?

— С изогнутой лестницы подошедшего автобуса спустилась пара очаровательных шелковых ног...

Точно, с автобуса. Вас еще не удовлетворило личико пассажирки, «прегнутое».

Фрагмент с тесно ставимыми ногами в летнем платье — самый эротичный про Зину. Среди ее «соперниц» (готовая прервать просветительскую процедуру миловидная ученица, проститутки на улице, монашенки, школьница в черном купальнике в Груневальде) многие — да вот хотя бы и эти автобусные ноги — описаны чувственнее. Федора качает к одному, третьему, пятому соблазну, но он сдерживает себя и возвращается мыслями к Зине... сложный психологический маятник, если учитывать, что к моменту знакомства с Зиной Федор хранит целомудрие восемь лет, а к финалу романа — почти одиннадцать.

Этого я пока Машеньке Шеншиной говорить не стану... она всплеснет «да можно ли?», и слишком откровенный — что рановато — будет предполагаться ответ.

Мы обсудим с ней сейчас сцену в седьмой главе «КДВ». Роман Марты и Франца миновал начальную взрывную стадию. Насыщение свежими ласками состоялось, пришла пора осмотреться, и Марта начинает задыхаться в собственном доме, не может переносить больше Драйера рядом, «что-то нужно было сделать, как-нибудь расчистить путь для дыхания жизни».

Звонок, начинаются гости.

— Марта похлопала себя по вискам, проверяя прическу, и быстро прошла — не в переднюю, а назад, к двери гостиной, — чтобы оттуда, через холл, плавно выступить навстречу гостям.

«Грамотная фрау, — оценила Машенька. — Выкатилась вся такая. Сценический круг включить. — И она еще раскач... разбегаются, в смысле. Как перед прыжком. — Пружинку заводит. — За голову подержалась, включилась. — Там у нее кнопка».

Кнопки у Марты вообще нехитрые, автор и читатель видят ее насквозь. Видят, как набухает в ней готовность упасть в объятия Франца: все набухло, давно готово, но Франц не решается протянуть руку.

«Когда же он наконец раскачается?» — думает Марта.

Отпрыдывание проводов и мух от других берегов — это стадия, фрагмент большой машинерии качелей. Набухание сквозь ткань или стекло, валандание на границе двух миров, в зоне смещения стихий — это тоже качели... только маленькие, с крохотной осторожной амплитудой.

Бывает сложно углядеть какую-то вещь не потому, что она слишком маленькая, как пуговица на актрисе, а напротив — слишком большая. Приписываемые марсианам сюрреалистические спирали в южноамериканских пустынях или, скажем, свастика из лиственниц, высаженных в сосновом лесу лютым размашистым фашистом недалеко от Берлина (осенью лиственницы коричневеют и выделяются на вечнозеленом)... некоторые объекты видны только с самолетов, допустим.

Нужна дистанция.

В «КДВ» тринадцать глав, действие течет чуть менее года. В первых строчках «валет» садится в поезд, где встретит «короля» и «даму», поезд идет в Берлин через небольшой городок на большой реке где-то на юге Германии... Река может быть Дунаем... Городок, например (совсем например), Ульм... нынче скорый поезд идет оттуда шесть или семь часов: в эту дорогу укладывается первая глава.

Вторая занимает около суток, если считать от момента прибытия Франца в привокзальную гостиницу; он, правда, мгновенно заснул, и «ясного» действия во второй главе — с утра до вечера следующего дня — часов десять-двенадцать. Время вновь исчислимо с точностью до часа, до двух.

Исчислимо оно и в третьей главе: пять суток, в ходе которых Франц ждет звонка Драйера.

От главы к главе роман набирает ход, прогоны все длиннее: к четвертой главе, которая укладывается в месяц с небольшим, поезд идет на полной скорости. Четвертая глава — месяц, пятая — месяц, шестая — две недели, седьмая чуть меньше двух, восьмая больше двух месяцев, девятая — полтора-два, десятая — два: несмотря на колебания от двух недель до двух месяцев разница в течении времени уже не различается, пейзаж за окном дрожит в ровном ритме, время похоже на толстую, хорошо набитую, ритмично покачивающуюся колбасу.

Ближе к финишу замедление: на события одиннадцатой главы ушло не более

десяти дней, двенадцатая — пять дней, тринадцатая и последняя — сутки с небольшим. Разумеется, читатель не оглядывается на перонные часы романа: вся эта конструкция входит в него сама, брильянтовой узкой змеей.

